

Социокультурная адаптация русского дворянина
в эпоху революции и Гражданской войны:

Александр Алёхин

Дмитрий И. Олейников

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Российская Федерация, oleinikovdi@yandex.ru*

Аннотация. В статье привлечены новые архивные источники для анализа процесса социокультурной адаптации русского дворянина в условиях революции и Гражданской войны. Автор рассматривает смену индивидуальных стратегий приспособления к динамичным условиям социокультурной среды «нового мира» и приходит к выводу, что при весьма высокой степени риска возможность адаптации дворянина к новым условиям сохранялась – в областях, где и в эпоху катастроф сохранялась культурная традиция. Покровительство поддерживавших эту традицию представителей новой элиты способствовало адаптации вплоть до ассимиляции, хотя и поверхностной: в условиях конкуренции со «старым миром» быстро включался механизм дезадаптации.

Ключевые слова: А.А. Алёхин, Гражданская война, Коминтерн, социокультурная адаптация, шахматы

Для цитирования: Олейников Д.И. Социокультурная адаптация русского дворянина в эпоху революции и Гражданской войны: Александр Алёхин // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 35–45. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-35-45

Russian nobleman' socio-cultural adaptation
in the era of revolution and the civil war:

Alexander Alekhine

Dmitry I. Oleynikov

*Russian State University for the Humanities; Moscow, Russia,
oleinikovdi@yandex.ru*

Abstract. The article draws on new archival sources to analyze the process of sociocultural adaptation of a Russian nobleman in the context of revolution and civil war. The author considers the change of individual strategies of

adaptation to the dynamic conditions of the sociocultural environment of the “new world” and concludes that with a very high degree of risk, the ability of the nobleman’s adaptation to new conditions was preserved - in areas where the cultural tradition remained in the era of disasters. The patronage of the representatives of the new elite, who supported this tradition, helped to adapt to the point of assimilation, albeit superficially: in the conditions of competition with the “old world”, the mechanism of maladaptation was quickly activated.

Keywords: A.A. Alekhine, Russia’s civil war, Comintern, sociocultural adaptation, chess

For citation: Oleynikov D.I. Russian nobleman’s socio-cultural adaptation in the era of revolution and the civil war: Alexander Alekhine // *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, 2019;2:35-45. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-35-45

Введение

Эпоха русской революции и Гражданской войны воспринимается и рассматривается в историографии прежде всего как эпоха разрывов и катастроф, хотя вопросы преемственности и сохранения представляются не менее важными. Метафора «рождения нового мира» (то ли лучшего, то ли худшего) применительно к этой эпохе остается в общественном сознании доминирующей. Тем не менее образ «превращения старого мира в новый», возможно, более точен, ведь рядом с трагической гибелью миллионов людей шел процесс не менее важного трагического выживания десятков и десятков миллионов. Рассмотрение групповых и индивидуальных стратегий такого выживания с помощью теории социокультурной адаптации представляется перспективной исследовательской темой [1 с. 5–6], а в рамках данной статьи будет рассмотрена попытка и формы адаптации русского дворянина А.А. Алёхина (будущего чемпиона мира по шахматам), оказавшегося в 1917–1921 гг. в условиях резкой социальной и психологической трансформации.

Под адаптацией, на основании современных исследований в социальных науках, будет пониматься процесс, при котором личность как социальная система приспосабливается «к внутренним и внешним изменениям, происходящий путем изменения как социальных стереотипов поведения, социальных практик, ценностей, способов информационно-интерпретативного отражения (конструирования, реконструирования) реальности, так и внутренней ее (системы) структуры и функций» [2 с. 39, 3 с. 17].

Революция как изменение среды обитания

Выпускник престижного Училища правоведения (16 мая 1914 г., с чином титулярный советник [3 с. 1]) Александр Александрович Алёхин некоторое время был причислен к министерству юстиции, а с 25 февраля 1915 г. был принят на службу «по ведомству Главного управления Землеустройства и земледелия» с причислением к Департаменту Государственных земельных имуществ¹. Его отец, депутат Государственной думы, губернский предводитель дворянства, октябрист Александр Иванович Алёхин и дядя Владимир, уездный предводитель дворянства, обладавшие достаточным влиянием в Воронежской губернии, получали таким образом возможность продвигать в центральном аппарате власти своего человека. Это должно было укрепить будущее землевладельцев Алёхиных, чье материальное благополучие основывалось на обширных черноземных владениях в Воронежской губернии: одна только семья Александра Ивановича владела в общей сложности более чем 2000 десятинами земли². Кроме того, супруга А.И. Алёхина Анисья Ивановна, урожденная Прохорова, имела права на часть от доходов Трехгорной мануфактуры.

Таким образом, Алёхины входили в «деловую элиту» России: богатым считался землевладелец, имевший в среднем как раз от 2000 десятин земли (общее число богатых людей – людей с доходами от 10 000 руб. – составляло не более 0,02% населения) [4 с. 44–45]. Реальные доходы Алёхиных значительно превышали 10 000 руб.: судя по справочникам, одна только паровая мельница, принадлежавшая им с 1898 г., имела годовое производство на 165 500 руб.

Обеспеченное будущее в условиях социальной стабильности вдруг оказалось «отменено» Первой мировой войной. Александр Алёхин испытал целый ряд серьезных потрясений – сначала личных, сразу следом – социальных. Его родители были интернированы в Германии, причем относились к ним немецкие власти довольно жестко: вернувшись, А.И. Алёхин выступал 22.03.1916 г. в качестве свидетеля и потерпевшего перед «Чрезвычайной следственной комиссией для расследования нарушений законов и обычаев ведения войны австро-венгерскими и германскими войсками»³. В декабре 1915 г. А.А. Алёхин лишился матери, в мае

¹Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 544. Ед. хр. 227. Л. 7, 11–11об.

²Там же. Ф. 1349. Оп. 1. Ед. хр. 72. Л. 15 об.

³Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13159. Оп. 4. Д. 860. Л. 3.

1917 г. – отца⁴. Сам он был тяжело контужен на Юго-западном фронте летом 1916 г.: освобожденный от военной службы по состоянию здоровья пошел на войну как представитель Красного Креста. Алёхин был представлен к ордену св. Станислава, но в связи с революционными событиями награждения не дождался^{5, 6}. Воронежский чернозем в наследство Алёхину не достался: «Декрет о земле» был реализован в Воронежской губернии уже к весне 1918 г. В сентябре 1918 г. были национализированы фабрики Товарищества Прохоровской Трехгорной мануфактуры (где Алёхину принадлежали 27 паев) [5 с. 115–116].

О политической позиции Алёхина в то время мы можем судить на основании его более ранних и более поздних высказываний. Заполняя анкету для поступления на работу в 1921 г., Алёхин в пунктах «к какой партии принадлежали до февральской революции» и «к какой партии принадлежали с февральской до октябрьской» поставил прочерки⁷. В 1928 г. на основании беседы перед вступлением в масонскую ложу «Астрея» Н.В. Тесленко представлял политические убеждения беспартийного Алёхина перед революцией как неясные, неоформившиеся, а затем эволюционировавшие в сторону признания демократического строя, допускающего конституционную монархию (хотя в перспективы монархии в России Алёхин не верил) [5 с. 145–146].

Если учесть, что в 1911 г. 19-летний правовед Алёхин писал (в сочинении о В.С. Соловьёве), что считает неприемлемыми ни социалистический, ни автократический политические идеалы⁸, а в 1929 г. говорил в интервью: «По взглядам я убежденный демократ, но не в такой чрезмерно левой форме, как нынешнее российское руководство», то становится понятным, что никакого сознательного участия в строительстве нового социалистического общества Алёхин не планировал. Тем не менее вырабатывать какую-то стратегию адаптации он был вынужден.

⁴РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 14 Л. 17.

⁵РГВИА. Наградная делопроизводственная картотека служащих РОКК и других учреждений и заведений военного ведомства. Карточка № 1222.

⁶РГИА. Ф. 496 Фонд Капитулы российских императорских и царских орденов. Оп. 3. Ед. хр. 2055.

⁷Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 65а. Ед. хр. 2023. Л. 2 об.

⁸Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 6 об., 7.

Первоначально реакция Алёхина на события октября–ноября 1917 г. была минимальной: это была форма аккомодации в виде терпимости (иногда называемой «псевдоадаптацией»), практики отказа «от резких движений» при сохранении социальной дистанции [2 с. 189–190]. Ввиду отсутствия служебных дел Алёхин целиком предался своему любимому занятию – шахматам. К 1914 г. он стал сильнейшим шахматистом России и одним из сильнейших в мире, поэтому был желанным гостем на шахматных мероприятиях. Однако шли эти мероприятия уже по инерции: апартаменты Финансового и коммерческого собрания, где собиралось и «Петроградское шахматное собрание», были заняты и фактически разгромлены красногвардейцами, которые играли «не в шахматы, а шахматами» и зачем-то украли всех шахматных коней [6 s. V]. Шахматная жизнь переместилась в частные квартиры и затухала по мере отъезда их хозяев, иссякнув во второй половине 1918 г. К тому времени Алёхин перебрался в Москву, где, как он полагал, не так явно чувствовались проблемы с отоплением и продовольствием [6 s. VII]. Надежд на воронежские земли уже не было, но до осени оставалась вера в акции «Трехгорки». За Алёхиным и его братом Алексеем сохранялась снятая еще в 1913 г. квартира в Гусятниковом переулке. Отчасти Алёхин переживал эпоху потрясений, отчасти, судя по упоминавшейся беседе с Тесленко, поверил в возможность построения обновленного общества (без каких-либо ясных представлений о нем) и даже допускал возможность реализации на практике «коммунистических теорий» [5 с. 145]. Он играл в небольших московских турнирах, «несмотря на препятствия, которые ставили на пути красные властители», однако и в Москве шахматная жизнь постепенно съеживалась до отдельных квартир, по которым шахматисты кочевали вместе с библиотекой и инвентарем Московского шахматного собрания [6 s. VII–VIII].

К осени 1918 г., когда вместе с национализацией Трехгорной мануфактуры перед Алёхиным встал вопрос о материальном обеспечении собственной жизни, он оказался в ситуации аккомодации-принуждения, при которой поведение и сознание принимают вынужденный характер под жестким воздействием извне [2 с. 189]. Алёхин предпринял ряд неполитических действий: не ассимилироваться с режимом, не переходить в состояние контрадаптации (стремления изменить среду под себя), но найти способ осмысленного существования. Так, он предпринял попытку жить шахматными гастролями (лекции, сеансы одновременной игры, партии вслепую и на ставку), которые приносили ему некоторый доход в 1910-е гг., в том числе во время мировой войны. География гастролей Алёхина середины – второй половины 1918 г. весьма об-

ширна: от Архангельска до Киева и Одессы. Выбор южного направления сам Алёхин не объяснял, но среди наиболее правдоподобных версий наиболее вероятной представляется попытка бежать от надвигающейся суровой зимы в условиях транспортного и продовольственного кризисов, усугубляющих опасности красного террора и бандитских налетов. Переживший зиму 1918 г. В.Р. Гардин вспоминал, с каким ужасом передавали известия об участвовавших налетах недавние хозяева московских квартир и особняков, как пугал их, затаившихся в маленьких комнатах с набитыми чемоданами, каждый звонок в дверь, как бесцеремонно налетчики осваивали «жил-площадь»: могли остаться ночевать, даже поселиться на какое-то время⁹. Никаких доказательств того, что в 1918 г. Алёхин искал возможности эмигрировать, не найдено, хотя он находился в Одессе с начала октября 1918 г. [7 с. 77]. Современные историки Одессы считают, что город при всей нестабильности ситуации с конца марта 1918 г. «оставался тем оазисом, где еще бурлила творческая жизнь», куда, спасаясь от войны и голода, стремились «знаменитые писатели и поэты, художники, певцы, актеры», где проходили концерты и литературные вечера, гастролировали театры и снималось кино. Попытались устроить и большой турнир с участием Алёхина (что могло его привлечь в рамках принятой стратегии адаптации) [6 с. 35]. Пока турнир откладывался (а потом и вовсе не состоялся), Алёхин зарабатывал на жизнь игрой на ставку со всеми желающими в кафе, а порой даже закладывал кое-какие вещи [5 с. 81–82]. Стратегия перехода на положение шахматного профессионала не сработала ни при одной из многочисленных властей Одессы того времени: ни при Скоропадском и австрийской оккупации, ни при Украинской народной республике, ни под властью французов и генерала А.Н. Гришина-Алмазова, ни при советской власти, вернувшейся в город 6 апреля 1919 г.

Смена стратегии адаптации

Именно после смены власти 6 апреля Алёхину пришлось менять свою стратегию адаптации самым резким образом. По подозрению в шпионаже он был арестован ЧК (точные даты неизвестны, но не позднее мая 1919 г.; детали источников разнятся [5 с. 82–84, 6 с. 38–40, 7 с. 144], сам Алёхин упоминал факт пребывания под арестом, но не любил расспросов на эту тему). Спасла его шахматная из-

⁹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 173. Оп. 1. Ед. пр. 153. Л. 44.

вестность – в органах советской власти на самых разных ступенях нашлись поклонники шахмат. По наиболее обоснованной версии, имя Алёхина увидел в списках подлежащих суду (и с большой степенью вероятности последующему расстрелу) делопроизводитель Одесского ревтрибунала Яков Вильнер (сильный шахматист, будущий мастер). Он немедленно связался с Х. Раковским. По прямому приказу председателя Украинского Совнаркома Алёхин и был освобожден – за недостатком улик (по другой версии, приказ об освобождении дал другой любитель шахмат – Л.Д. Троцкий) [6 с. 40–41, 43, 46].

После освобождения Алёхин перешел к иному способу адаптации: он использовал шахматные связи в качестве поддержки «сверху» и благодаря знанию иностранных языков («французский, немецкий, немного английский» [16 л. 2]) устроился на работу в Инотдел Одесского губисполкома. Так начался его переход от аккомодации к ассимилятивному приспособлению – по схеме Р. Парка (конфликт–приспособление–ассимиляция) [2 с. 187]. Этим объясняется и тот факт, что, когда в конце лета 1919 г. на Одессу наступали части Деникина и советские учреждения эвакуировались, Алёхин покинул город вместе с совслужащими.

Во второй половине 1919 г. значительную помощь Алёхину оказали сестра Варвара и брат Алексей. Они нашли свое место при советской власти (и не подвергались репрессиям даже в конце 1930-х гг.). Варвара стала работать в киноиндустрии и способствовала поступлению приехавшего в Москву Александра на первый набор первого курса 1-й государственной школы кинематографии (будущего ВГИКа). Набиравший учеников В.Р. Гардин был любителем шахмат, но в воспоминаниях замечал, что в условиях огромного конкурса («киномуравейник»¹⁰) принял Алёхина в школу за яркую актерскую индивидуальность [8 с. 127]. Тем не менее по не вполне понятным причинам через три месяца Алёхин покинул школу и с помощью брата Алексея устроился на работу в военно-санитарном управлении Харьковского военного округа, зимой перенес сыпной тиф, а к весне 1920 г. вернулся в Москву.

К этому времени шахматная жизнь столицы, сузившаяся было до десятка самых преданных игре энтузиастов, собиравшихся на неотопливаемой и часто остававшейся без света квартире на Пречистенском бульваре, получила мощный толчок от одного из заметных деятелей революции (и шахматного партнера В.И. Ленина) – А.Ф. Ильина-Женевского. В начале 1920 г. он стал комиссаром

¹⁰ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 173. Оп. 1. Ед. хр. 153. Л. 2.

Главного управления Всеобуча и добился включения шахмат в программы допризывной подготовки трудящихся. Начальником Всеобуча Московского военного округа стал известный энтузиаст шахмат и шашек В.Н. Руссо. Его стараниями шахматисты и шашисты Москвы получили государственную поддержку. Под клуб им выделили значительных размеров квартиру (с отоплением!) на втором этаже дома в Камергерском переулке. К тому времени Алёхин победил в первом послереволюционном чемпионате Москвы и обзавелся весьма полезными связями с новой правящей элитой (в частности, вошел вместе с Ильиным-Женевским в комитет по организации Всероссийской шахматной олимпиады) [9 с. 39–40]. Такие связи позволили Алёхину продолжить ассимиляцию: благодаря рекомендации Руссо¹¹ в июне 1920 г. он поступил на службу в Исполком Коминтерна: сначала в отдел печати французской секции, затем в качестве переводчика организационно-информационного отдела. Любопытно, что в ответ на вопрос анкеты «С каких лет живете собственным трудом?» Алёхин написал «с 16 лет»¹², указав год, в который завоевал титул шахматного мастера (1909), то есть стал шахматным профессионалом.

Параллельно, благодаря юридическому образованию, Алёхин с 13 мая 1920 г. устроился на работу в систему НКВД в Центророзыск. Сохранилось «Временное удостоверение» от 18 мая 1920 г.: «Настоящим удостоверяется, что тов. Алёхин А.А. действительно считается на службе в Центральном следственном розыском управлении в должности следователя»¹³. Позже появились слухи и даже устные истории о работе Алёхина следователем в Московском уголовном розыске [10 с. 21], однако на деле он занимался розыском граждан, потерявших друг друга в годы революций и Гражданской войны. Долго совмещать две работы Алёхин не смог: он уволился из Центророзыска в сентябре 1920 г., но прежде, в августе 1920 г., стал кандидатом, члены РКП(б)¹⁴. Новоиспеченный кандидат в члены РКП(б) стал соратником А.Ф. Ильина-Женевского в деле организации первой Всероссийской шахматной олимпиады на базе Всеобуча, а в октябре 1920 г. победил на этой Олимпиаде, став первым советским шахматным чемпионом. Степень доверия к Алёхину со стороны властей росла: зимой 1920/21 г. ему было доверено сопровождать иностранных делегатов и гостей Коминтерна в поездке по городам Урала и Сибири. К 21 февраля 1921 г. в ВЧК

¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 445а. Ед. хр. 2023. Л. 1, 2 об.

¹² Там же. Л. 2.

¹³ ГА РФ. Ф. Р393. Оп. 85. Ед. хр. 155. Л. 1.

¹⁴ Там же. Л. 5, 10.

было перепроверено и окончательно прекращено дело, связанное с подозрениями о связи Алёхина с деникинской контрразведкой в Одессе в 1919 г. [5 с. 104].

На пути к дезадаптации

Степень ассимиляции уже была такова, что в апреле 1921 г. Алёхин получил разрешение Наркомата иностранных дел на выезд за границу через Ригу и Берлин [10 с. 101]. Формально он сопровождал беременную жену (с которой познакомился во время работы в Коминтерне, возможно, в шахматном клубе общежития делегатов Коминтерна). Звали жену Анна-Лиза Рюгг, она была швейцарской гражданкой, членом «левого крыла социально-демократической партии» и интересовалась постановкой дела охраны матери и ребенка¹⁵. На деле же целью Алёхина было участие в начавшихся в послевоенной Европе турнирах сильнейших шахматистов – с конечной целью завоевать титул чемпиона мира по шахматам.

В ближайшие годы Алёхина еще воспринимали в Европе как представителя Советской России. Однако, попав в окружение «старого мира», в том числе эмиграции, весьма активной и многочисленной в Берлине и Париже (основных местах жизни Алёхина), Алёхин потерял необходимость в ассимиляции, то есть в принятии условий поглощающей его социальной среды – ибо среда осталась за границей Советской России. 28 мая 1922 г. в интервью испанской газете на вопрос «Собираетесь ли Вы вернуться в Россию?» он ответил: «Не теперь. Но когда жизнь там нормализуется, я вернусь и буду серьезно работать ради примирения, роста и улучшений» [11 с. 119]. К 1926 г. Алёхин заслужил в СССР звание «ренегата» и «невозвращенца» [5 с. 143–144], а в ноябре 1927 г. выиграл титул чемпиона мира по шахматам и принял гражданство Франции.

Заключение

Таким образом, при наличии весьма высокой степени риска, связанного с нестабильностью политической ситуации и условиями «классовой борьбы», возможность адаптации дворянина к новым социокультурным условиям сохранялась благодаря совокупности индивидуальных качеств А.А. Алёхина. Он смог применить их в областях, где сохранялась культурная традиция, идущая

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 275. Ед. хр. 223. Л. 3.

сквозь эпоху катастроф от дореволюционных времен (прежде всего шахматы и перевод). В поддержку такой традиции выступали заметные представители новой элиты, и их покровительство способствовало адаптации вплоть до ассимиляции, хотя и делало ее более поверхностной. Это, в свою очередь, предопределило то, что в условиях конкуренции с привычным «старым миром» – условиях, в которые попал кандидат в члены ВКП(б) и сотрудник Коминтерна А.А. Алёхин в Европе в 1921 г. – механизмы приспособления, вся социокультурная адаптация быстро дали «задний ход». В этом смысле для теории социокультурной адаптации может оказаться полезным рассмотрение вариантов и условий «обратного процесса дезадаптации».

Литература

1. Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям / Под ред. А.П. Деревянко, А.Б. Куделина, В.А. Тишкова. М.: РОССПЭН, 2010. 544 с.
2. *Корель Л.В.* Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
3. *Васильева Ю.С.* Организационно-педагогические условия адаптации выпускников школы к обучению в современном вузе: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2011.
4. *Боханов А.Н.* Деловая элита России. 1914 г. М.: Ин-т российской истории РАН, 1994. 272 с.
5. *Шабуров Ю.Н.* Алехин. М.: Молодая гвардия, 2001. 272 с.
6. *Ткаченко С.Н.* Спаситель Алехина. Судьба и шахматное наследие Якова Вильнера. М.: Изд-во «Андрей Ельков», 2016. 240 с.
7. *Ткаченко С.Н.* Одесские тайны Александра Алехина. М.: Изд-во «Андрей Ельков», 2017. 256 с.
8. *Гардин В.Р.* Жизнь и труд артиста. М.: Искусство, 1960. 268 с.
9. *Ильин-Женевский А.Ф.* Записки советского шахматного мастера. Л.: ВСФК «Шахматный листок», 1929. 61 с.
10. *Котов А.А.* Шахматное наследие Алехина. Т. 1. М.: Физкультура и спорт, 1982. 384 с.
11. *Fiala M., Kalendovsky J.* Complete games of Alekhine. Vol. 2: 1921–1924. Olomouc: Publishing House Moravian Press, 1996. 494 p.

References

1. Derevyanko AP, Kudelina AB., Tishkova VA., eds. Adaptation of nations and cultures to changes in environment, social and technogenic transformation. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2010. 544 p. [In Russ.]
2. Korel LV. Sociology of adaptations. Problems of theory, methodology, and methods. Novosibirsk: Nauka Publ.; 2005. 424 p. [In Russ.]
3. Vasilieva YS. Organizational and pedagogic conditions of adaptation of high school graduates to studying at a modern university [dis. ... kand. ped. nauk], St. Petersburg, 2011. [In Russ.]
4. Bokhanov AN. Business elite of Russia. 1914. Moscow: The Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences Publ.; 1994. 272 p. [In Russ.]
5. Shaburov YN. Alekhine. Moscow: Molodaya Gvardia Publ.; 2001. 272 p. [In Russ.]
6. Tkachenko SN. Savior of Alekhine. Fate and chess legacy of Jacob Wilner. Moscow: Andrei Elkov Publ.; 2016. 240 p. [In Russ.]
7. Tkachenko SN. Odessa secrets of Alexander Alekhine. Moscow: Andrei Elkov Publ.; 2017. 256 p. [In Russ.]
8. Gardin VR. Life and labour of an artist. Moscow: Iskusstvo Publ.; 1960. 268 p. [In Russ.]
9. Ilyin-Jenevsky AF. Soviet chess grandmaster's notebook. Leningrad: VSFK "Shakhmatniy Listok" Publ.; 1929. 61 p. [In Russ.]
10. Kotov AA. Chess legacy of Alekhine. Vol. 1. Moscow: Physcultura and Sport Publ.; 1982. 384 p. [In Russ.]
11. Fiala M., Kalendovsky J. Complete games of Alekhine. Vol.2. 1921–1924. Olomouc: Publishing House Moravian Press, 1996. 494 p.

Информация об авторе

Дмитрий И. Олейников, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; oleinikovdi@yandex.ru

Information about the author

Dmitry I. Oleynikov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, Russia, 125993; oleinikovdi@yandex.ru